

Редьярд КИПЛИНГ

Перемирие с медведем

Перевод А. Капанова

Ежегодно охотники белые с винтовками наперевес
Идут через горы в долины, чтоб поохотиться здесь.
Каждый год при них неотлучно, словно из мира теней,
Матун – безобразный нищий, в тряпье до самых бровей.

Стоит, прося подаянье, безносый, безгубый, слепой,
Заикаясь на каждом слове, твердит он с заботой одной,
Повторяет без устали утром, бормочет днем и впотьмах:
«Не бывает мира с медведем, что ходит на двух ногах».
Порох, кремь и пули были в винтовке моей,
Чтоб медведя убить, Адам-Зада, похожего на людей,
Оказалось, снег и деревья – это всё, что в последний раз,
Видел полвека назад я в тот памятный страшный час.

Я знал медведя повадки, он знал, что живет за мой счет,
Что ночью моим маисом свой толстый живот набьет.
Я знал его хитрость и силу, он знал, что моё крадет,
Когда перед самым рассветом резал домашний скот.

Из скрытой в горах пещеры уходил, сбиваясь на бег,
По скалам, по тайным тропам медведь, словно человек.
Со стоном, хрюканьем, рыком, от тяжести в брюхе устав,
За ним по пятам – я, во гневе и ярости прав,

Шёл за ним долгих два перехода, и перед ночью второй
Был настигнут мой враг заклятый, от погони едва живой.
Всё готово к выстрелу было – стреляй безо всяких помех,
Но когда на курок лёг палец, зверь поднялся, как человек

Косматый, но нам подобный, он лапы в мольбе сложил
По-людски, прося о пощаде, которую не заслужил...
Я увидел покорные плечи и живот, беззащитный теперь,
Показался тогда мне жалким этот хитрый громадный зверь.

Исполненный милосердья, не сумел я нажать на курок...
С той поры не знаю я женщин и навсегда – одинок.
Будто в последней молитве, встал матёрый в свой полный рост
И мгновенно стальными когтями лицо моё начисто снёс.

Вероломным был и безмолвным обжигающий тот удар,
Образ мой человеческий как с осины кору содрал.
Я слышал – медведь довольный уходит дорогой своей,
Оставляя мне годы мрака да презренье и жалость людей.

Новейшие ваши винтовки отныне без промаха бьют,
Я их все проверил на ощупь, они вас не подведут.
Пусть белых охотников ружья всегда попадают в цель.
За деньги сниму повязку, смотрите – что сделал зверь».

Лицо, как печеное мясо, как один морщинистый шрам.
Матун, изувеченный нищий, знает цену своим словам:
«Зверя в чаще днём разбудите, не давая покоя впредь,
Неотступно его гоните, чтоб взревел Адам-Зад медведь».

(Киньте грош – натяну повязку). Но опасней всего вам тот,
Кто вдруг встанет по-человечьи и, шатаясь, к вам побредет.
Бойтесь, если в медвежьем обличье вам почудится человек,
И в его глазах пороссячьих вероломство блеснет из-под век,
Если лапы он сложит в молитве с готовностью умереть.
Эта Смерть стоит перед вами, а не миролюбивый медведь».

У ворот прося подаянье, без губ, без носа, без глаз,
Матун по второму кругу заводит с начала рассказ.
Он ощупывает винтовки, греет руки над редким огнём,
Но беспечность белых людей будит горькие думы в нём.
И опять, и опять причитает о доле печальной своей:
«Заклинаю! Не верьте медведю, так похожему на людей».

Мировая с медведем

Перевод А. Оношковиц-Яцыны

Ежегодно, схватив винтовки, белые люди идут
Маттианским проходом в долины поохотиться там и тут.
Ежегодно сопровождает беспечных белых людей
Матун, ужасный нищий, забинтованный до бровей.

Беззубый, безгубый, безносый, с разбитой речью, без глаз,
Просья у ворот подаянье, бормочет он свой рассказ –
Снова и снова всё то же с утра до глубокой тьмы:
«Не заключайте мировой с медведем, что ходит, как мы».

Кремень был в моей винтовке, был порох насыпан в ствол,
Когда я шел на медведя, на Адам-Зада я шёл.
Был последним мой взгляд на деревья, был последним на снег мой взгляд,
Когда я шёл на медведя полвека тому назад.

Я знал его время и пору, он – мой; и дерзок, и смел,
Он ночью в майсовом поле мой хлеб преспокойно ел.
Я знал его хитрость и силу, он – мой; и тихонько брал
Овец из моей овчарни, пока я крепко спал.

Из каменной пещеры, где гордых сосен ряд,
Тяжёлый от обеда, бежал медведь Адам-Зад,
Ворча, рыча, бушуй, вдоль голых диких скал.
Два перехода на север – и я его догнал.

Два перехода на север – к концу второго дня
Был мной достигнут Адам-Зад, бегущий от меня.
Был заряд у меня в винтовке, был курок заранее взведён,
Как человек, надо мною внезапно поднялся он.

Лапы сложив на молитву, чудовищен, страшен, космат,
Как будто меня умоляя, стоял медведь Адам-Зад.
Я взглянул на тяжёлое брюхо, и мне показался теперь
Каким-то ужасно жалким громадный молящий зверь.

Чудесной жалостью тронут, не выстрелил я... С тех пор
Я не смотрел на женщин, с друзьями не вел разговор.
Подходил он всё ближе и ближе, умоляющ, жалок и стар,
От лба и до подбородка распорол мне лицо удар...

Внезапно, безмолвно, дико железною лапой смят,
Перед ним я упал, безликий, полвека тому назад.
Я слышал его ворчанье, я слышал хруст ветвей,
Он тёмным годам оставил меня и жалости людей.

С ружьями новой системы идёте вы, господа,
Я шупал, как их заряжают, они попадают всегда.
Удача – винтовкам белых, они приносят смерть,
Заплатите, и я покажу вам, что может сделать медведь».

Мясо, как головешка, в морщинах, в шрамах, в узлах –
Матун, ужасный нищий, угощает на совесть и страх.
«Заберитесь в полдень в кустарник, его подымите там, –
Пусть он бушует и злится, идите за ним по пятам!

(Заплатите – надену повязку.) Наступает страшный миг,
Когда на дыбы он встанет, шатаясь, словно старик,
Когда на дыбы он встанет, человек и зверь зараз,
Когда он прикроет ярость и злобу свинячьих глаз,

Когда он сложит лапы, с поникшей головой.
Вот это минута смерти, минута Мировой».
Беззубый, безгубый, безносый, прося прохожих подать,
Матун, ужасный нищий, повторяет всё то же опять.

Зажав меж колен винтовки, руки держа над огнём,
Беспечные белые люди заняты завтрашним днём.
Снова и снова всё то же твердит он до поздней тьмы:
«Не заключайте мировой с медведем, что ходит, как мь».

